

Н. Я. ГРОТ

**Основные моменты
в развитии новой философии**

<фрагмент>

**VII
ЗНАЧЕНИЕ КАНТА**

Период так называемой новой, докантовской философии, начиная с Бэкона, представляет собою законченную эпоху в развитии европейской мысли, и по задачам, и по приемам их обсуждения. С Канта начинается новая эпоха, продолжающаяся и до сих пор, ибо философия Канта выдвинула ряд новых вопросов, указала на совершенно новые методы их решения и породила ряд чуждых предшествующей эпохе философских интересов. Поэтому новейшая философия, начиная с Канта, часто противопоставляется новой философии XVII и XVIII вв., как совокупность явлений особого порядка.

Основные вопросы философии XVII и XVIII вв., как выяснилось из анализа целого ряда крупных философских систем и отдельных, более или менее законченных учений, касались главным образом теории знания. Новая философия была реакцией против средневекового строя мысли и жизни европейских народов. В средние века эти народы жили преимущественно религиозными интересами и в разработке проблем науки и философии не только в общем не пошли дальше древних народов, но отчасти даже утратили знание древних.

Многие научные истины и открытия, а также глубокие обобщения философии, приобретенные в древности, были забыты, неверно и тенденциозно перетолкованы, и лишь случайно, оцупью, инстинктивно были сделаны в XV в. некоторые важные открытия и изобретения, которые дали толчок дальнейшим научным исследованиям и привели в XVI ст. к астрономической

системе Коперника и к попыткам создать на почве этого учения новое философское мировоззрение. С XVII в. европейская философия задается уже вполне сознательно целью выработать новую теорию познания природы и человека, систематически разработать начала науки, — облегчить и ускорить процесс изучения природы для того, чтобы воспользоваться ожидаемыми открытиями для усовершенствования личной и общественной жизни. Нечаянные и неожиданные открытия, сделанные в предшествующие два века, внушили мыслителям начала XVII ст. глубокую веру в силы человеческого разума, и этою верою в необъятные силы разума проникнута философия XVII и отчасти XVIII века. Лучшие и наиболее оригинальные философские произведения этого времени посвящены исследованию средств, элементов и путей деятельности разума. Другие крупные произведения задаются вместе с тем целью, на почве новых учений о разуме, положить начало и новому рациональному, т. е. на началах разума основанному, мировоззрению.

Но с самого начала, как мы видели, взгляды мыслителей на человеческий разум, на основы, элементы и методы рационального познания расходятся в двух направлениях. Образуются две главные философские школы — эмпирико-натуралистическая с Бэконом¹ во главе, и метафизическая, во главе с Декартом. Возникает существенный вопрос, откуда разум черпает основы своего знания, — где источники его безграничного могущества: в опыте или в прирожденных разуму идеях, и какими методами должно разрабатывать проблемы науки и философии — эмпирическим и апостериорным или метафизическим и априорным? Сначала обе доктрины стоят в резкой обособленности друг от друга и порождают два абсолютно противоположные мировоззрения — спиритуалистическую систему Декарта и материалистическое учение Гоббеса². Но вскоре в обоих этих мировоззрениях усматриваются внутренние противоречия, логические несообразности и фактические промахи. Являются новые учения о знании и метафизические построения, в которых делаются попытки исправления указанных недостатков, ограничения недостаточно обоснованных выводов, примирения двух противоположных доктрин знания и бытия, насколько каждая из них содержит в себе элементы истины. В системе Спинозы³ априорная спиритуалистическая метафизика как бы делает уступки натурализму англичан. Бог и природа сближаются, делается попытка объяснить все существующее из механического развития одной субстанции, обладающей различными атрибутами. В учении Локка делаются, наоборот, уступки де-

картовскому миросозерцанию. Внутренний опыт (рефлексия) признается самостоятельным источником знания наряду с внешним опытом, восприятия внешних чувств признаются субъективными, и познание материальной субстанции природы объявляется не более легким, чем познание духовной сущности. Обе субстанции открываются нам только в своих явлениях, но самая возможность существования двух субстанций уже не отрицается, как у Гоббеса. Рядом с этим Лейбниц делает грандиозную попытку примирить два направления рационалистической философии — метафизическое и натуралистическое — в учении о монадах, примирить монизм и дуализм гипотезой бесконечного множества субстанций, доктриной плюрализма. Декартовское учение о прирожденных идеях и Локково учение о чисто опытном происхождении всякого знания находят как будто почву для примирения в учении Лейбница о потенциальных познавательных силах монад, которые раскрываются лишь благодаря постепенному механическому процессу развития внутренних сил монады. В XVIII в. сближение двух основных направлений и взаимные уступки их становятся еще заметнее. В Германии Вольф и его школа разрабатывают параллельно рациональную и эмпирическую психологию, признавая и рациональную философию и эмпирическую науку. Во Франции картезианские традиции прихотливо комбинируются с основными посылками английского эмпиризма. В Англии, на почве эмпирической теории знания, выстраивается своеобразная идеалистическая система Беркли и скептическая субъективная метафизика Юма. Роли как будто переменяются. На почве английского эмпиризма вырастают идеализм и спиритуализм, на почве французского метафизического догматизма складывается чисто материалистическое миросозерцание (в XVII в. было наоборот). Хотя в конечных итогах английской и французской философии, как мы видели, замечается много общего, но спорным остается все-таки вопрос о том, должно ли придавать нашим ощущениям и их механическим комбинациям только *субъективное* значение, как думал Декарт, или *объективное*, как думали Бэкон и Гоббес. Первое решение вопроса принимается большинством английских мыслителей, с Локка, — второе решение его, в смысле объективности ощущений, приводит во Франции к построению радикальных материалистических систем. Та и другая крайности вызывают реакцию, «разочарование в силах человеческого разума» разрешить собственными его средствами основные проблемы метафизики. Раздается призыв к здравому смыслу и непосредственному чувству.

Таким образом, начав с безусловного доверия к человеческому разуму, новая философия испробовала его силы в разнообразных направлениях, но принуждена была при этом все более и более разочаровываться в его абсолютном могуществе, все более и более ограничивать его компетенцию. <...> *Куда было идти дальше?* С одной стороны, в учениях Беркли и Юма отрицалась возможность доказать реальное бытие вещества, природы и ее независимых от человеческого ума законов, — с другой стороны, в учениях французских материалистов абсолютно отрицалось реальное существование человеческой души и Бога, — и если некоторые крупные мыслители Франции еще допускали существование Бога и бессмертие души, то лишь как необходимых постулатов нравственного сознания, как удобных для жизни гипотез творческой мысли человека. Англичане в половине XVIII в. также отрицали возможность рационально доказать бытие души и Бога, хотя часто объявляли себя сторонниками непосредственной религиозной веры.

Очевидно, *дело разума и его предполагаемого всемогущества было почти потеряно*. А между тем науки опыта гигантскими шагами шли вперед на пути к познанию скрытого механизма явлений природы. Математика и механика, физика и астрономия быстро развивались благодаря открытиям Декарта, Лейбница, Ньютона. Химия в свою очередь, под влиянием толчка, данного Бойлем⁴ в XVII в., продолжала успешно развиваться в XVIII в. Пристли⁵ открыл кислород, а знаменитый французский химик Лавуазье⁶ основание теории элементов и их соединений. Грей, Франклин⁷ и ряд других ученых разрабатывали теорию электричества. Линней⁸ положил начало новой ботанике. Науки о животных и в особенности физиология также развивались быстро, со времени открытия кровообращения Гарвеем⁹, и мы упоминали уже о трудах в области биологии нескольких знаменитых французских натуралистов — Бюффона¹⁰ и Робинсона¹¹. В нашу задачу не может входить обзор всех успехов специальных наук в XVIII в.* Мы хотели только отметить факт, что благодаря новым методам опытного изучения природы, отчасти указанным и разработанным философами, науки опыта преуспевали и обещали в будущем новые великие приобретения, между тем как в разрешении самых важных и коренных проблем: о самом *разуме, его природе, происхождении и силах* не замечалось существенного успеха, — одно разочарование

* Об этом подробнее у Уэвеля¹² в «Истории индуктивных наук» (рус. пер. — СПб., 1876—1869).

следовало за другим, одна позиция за другою терялась, одно понятие за другим подтачивалось психологической критикой, и почва становилась все более и более зыбкою. <...> Благодаря каким своим свойствам он так силен в разрешении одних вопросов знания и так бессилён в разрешении других? Предстояло подвергнуть человеческий разум новой, более широкой и все-сторонней критике, приняв во внимание все наличные факты его успехов и поражений. И эту именно задачу взял на себя Кант, сначала в «Критике чистого (теоретического) разума», затем в «Критике практического разума» и в «Критике силы суждения». Чтобы исполнить эту трудную задачу, нужен был ум *глубокий и оригинальный*, нужен был человек с *широкими и разносторонними* познаниями не только в области *философии* своего времени, но и в области *математики и естественных наук*, — человек, способный охватить и понять *всю умственную работу своего века* и вместе с тем не только *терпеливый и трудолюбивый, но настойчивый и сосредоточенный в себе*. Только такой человек мог достигнуть в результате не только гениальных догадок и блестящих гипотез о причинах ошибок своих предшественников и о средствах их исправления, но и основных во всех частностях, строго продуманных и убедительно доказанных положений, способных устранить все сделанное ранее и дать новую точку исхода для будущих работ по философии. Все указанные качества ума и характера, — глубина и оригинальность мысли, широта и разносторонность познаний, чуткость понимания, необыкновенное трудолюбие, терпение и настойчивость, — соединились в личности скромного профессора Кенигсбергского университета *Иммануила Канта* *.

---

* Кант родился в Кенигсберге в 1724 г., фамилия его была шотландского происхождения, отец его занимался седельным ремеслом; мать воспитывала его в строго религиозном духе распространенного в то время пизетизма. В университете Кант занимался философией, математикой, богословием. По окончании курса, в 1746—1755 гг. он был домашним учителем в различных семействах, между прочим у графа Кейзерлинга. С 1755 г. Кант начинает преподавание в Кенигсбергском универ<ситете> в качестве доцента. Профессуру ему удалось получить лишь в 1770 г., когда ему было уже 46 лет, а до этого Кант постоянно бедствовал материально, поддерживаемый изредка друзьями. Между тем он читал лекции и по математике, и по физике, и по астрономии, и по географии, преподавал естествознание, богословие, этику, логику, метафизику, философию, энциклопедию философии, и в этой строгой школе жизни и знания сложился его разносторонний и глубокий ум, его твердый и уравновешенный характер. Преподавание в универ-

<...>

Великая заслуга Канта заключается в том, что он пытался осуществить новый синтез эмпиризма и метафизической теории знания, путем дальнейшего критического развития учения Лейбница о прирожденной организации ума. «Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu, nisi ipse intellectus»¹³, — говорит Лейбниц, и вот — Кант и задался целью исследовать природу этого «прирожденного нам интеллекта», этой прирожденной умственной организации. Он согласен с эмпириками в том, что все содержание нашего знания извлекается нами из опыта, из ощущений, но *формы*, в которые укладывается это содержание, — *прирождены*, составляют неотъемлемую *принадлежность разума* по самой природе его, и именно эти формы и дают *порядок, единство, необходимость и всеобщность* всем продуктам умственной деятельности человека, они организуют приобретаемое из опыта содержание и служат поэтому неизбежными условиями всякого опыта.

О преобразовании теории знания в этом духе мечтал в Германии в 60-х годах прошлого века не один Кант. Иоганн Ламберт¹⁴, находившийся с Кантом после в оживленной переписке, издал в 1764 г. «Новый органон, или Мысли об исследовании и начертании истины» (в 2 т.), а в 1771 г. сочинение «Об архитектонике или теории простейшего и первого в философском и математическом познании». Ламберт, подобно Канту, замышлял преобразование метода *метафизики* как науки о *границах* человеческого познания. Ламберт первый увидел два различных источника знания — в опыте и в неразложимых понятиях разума, отождествляя контраст этих элементов с противоположностью *содержания* и *формы* познания. «Кант превзошел своего друга только тем, что нашел *принцип* для анализа и выяснения форм познания» (Ибервег). Кант различает в человеческом познании *аналитические*, или разъяснительные суждения, в которых сказуемое заключено в понятии подлежащего и не расширяет его содержания, — и *синтетические*, в которых сказуемое привносит в подлежащее *новое* содержание. Синтетиче-

---

ситете он продолжал 42 года, до осени 1797 г., когда старческая слабость заставила его прекратить чтение лекций. Жизнь он вел скромную, умеренную и правильную, и в течение 30 лет не выезжал за пределы родного своего города. Умер он от старческой слабости в 1804 г. «Критика чистого разума» появилась только в 1781 г., «Критика практического разума» — в 1788 г., «Критика силы суждения» — в 1790 г.

ские суждения могут быть апостериорными, утверждающими какое-либо новое для нашего ума соотношение предметов *опыта*, и *априорными*, независимыми от опыта и потому имеющими не частное и случайное содержание, а характер *необходимости* и *всеобщности*. Такие априорные синтетические суждения Кант открыл и в математике, и в естествознании и задал себе вопрос: «Как они возможны?» Эти суждения очевидно предполагают прирожденные, всеобщие и необходимые *формы* сочетания представлений, взятых из опыта. Такими формами являются в области чувственного познания *пространство* и *время*, в области рассудочной деятельности — известные *понятия*, или *категории*, под которые подводятся все данные опыта. Таковы категории единства и множества, сущности и причинности, возможности, действительности и необходимости, и т. д. Таких категорий Кант открыл 12, построив их систему несколько искусственно, схоластически, на почве обычной в формальных логиках классификации суждений. Заслуга его лежит не в этой классификации, а в сознании, что есть в уме формы соединения и сплавивания восприятий, которые *предваряют* всякий чувственный опыт и служат предметом нашего непосредственного самосознания, и в глубоком анализе *некоторых* из этих форм мышления. Учения Декарта о самосознании и Локка о рефлексии и внутреннем опыте как источниках особого рода знания были Кантом плодотворно расширены и получили *логическое* обоснование чрез анализ состава суждений нашего ума. Юм признавал идеи, соединяющие и сплавивающие впечатления нашего опыта, только «копиями» внутренних впечатлений сходства или однородности (идея субстанции), последовательности и преемства (идея причинности). Но этим самым он лишил их всякой «объективной» цены, всякого значения объективных и необходимых «норм» познания. Самые законы для Юма не что иное, как чисто субъективные соединения впечатлений нашего ума в привычные преемства. Этот вывод лишал все построения математики и естествознания необходимого и объективно-достоверного характера, что противоречило всем открытиям науки и могло поколебать веру в объективную ценность знания. Вместе с тем в этой теории было и *психологическое противоречие*. Если мы в ассоциациях ума связываем впечатления внешнего опыта по сходству, смежности во времени и пространстве, причинности и т. д., то это делается очевидно в силу прирожденной организации ума, и нельзя сказать, что представления о сходстве, последовательности, причинности и др. подобные возникают у нас после того, как мы «открыли» ряд сходств, последо-

вательностей и причинностей, так как мы открываем их лишь потому, что бессознательно «ищем» их, что ум наш в силу природной организации ищет тождества, различия, смежности и причинной связи в явлениях опыта, данных сознанию в ощущениях. У него есть несомненно свои природные и необходимые «мерки» для упорядочения явлений опыта, и оттого-то все наше опытное знание строго организовано и объективно ценно. Эти мерки Кант назвал *субъективными*, или *трансцендентальными* формами познания. (Трансцендентальными, ибо они приобретаются и познаются не из опыта, а независимо от него, а priori, — и потому все его учение о знании есть «субъективный или трансцендентальный идеализм», как он сам его называл.) Конечно, из изложенной точки зрения следует, что означенные субъективные формы объединения впечатлений опыта, хотя и суть необходимые и априорные формы нашего сознания и мышления о явлениях опыта, нисколько, однако, не разъясняют их внутренней, независимой от нашего ума природы. *Трансцендентное употребление* априорных идей разума, т. е. такое, которое претендовало бы на познание чрез них внутренней, *абсолютной природы вещей* — незаконно. *Вещи в себе*, в своей внутренней природе, навсегда и безусловно скрыты от нас, недоступны нашему теоретическому познанию. Поэтому, если ум наш стремится перешагнуть за пределы опыта и от условного знания перейти к безусловному, т. е. к теоретическому познанию субстанций Бога, души, мира, то это дерзновенное притязание его должно быть признано несоответствующим его силам. Ни во внешнем, ни во внутреннем опыте за пределы *явлений* этого опыта мы перешагнуть не можем, и потому метафизика, «как наука о субстанциях», невозможна.

Вся роль метафизики сводится лишь к указанию *границ и правильного употребления* форм деятельности разума в применении к обработке содержания, извлекаемого из опыта, и это понимание задач метафизики Кант называет *критическим* в отличие от прежнего, *догматического*. Оттого-то он и назвал свое сочинение «Критикой» чистого разума*.

В «Критике практического разума» Кант доказывает, что подобно тому, как есть в теоретическом разуме априорные формы познания явлений мира, так есть в практическом разу-

---

* Позднее он короче и яснее, чем в «Критике чистого разума», изложил эту теорию познания в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике» (см. русский перевод Владимира Соловьева, 2-е издание (Труды Психологического общества). М., 1893)).

ме человека априорные формы организации явлений нашей воли.

Формальное, всеобщее-необходимое начало нравственности есть *категорический императив долга*, т. е. признаваемое нами непосредственно абсолютное нравственное требование, выражающееся в следующей формуле: «Поступай так, чтобы правило твоей воли могло служить вместе с тем и началом всеобщего законодательства». Способность самоопределения воли на основании категорического императива Кант называет *автономией воли*. Но так как упомянутое категорическое требование подчинения идее долга или *абсолютному закону воли* было бы бессмысленно, если бы природа души не была сама абсолютна, если бы в мире не было абсолютного, Высшего начала и такого *нравственного порядка*, в силу которого упомянутое внутреннее требование нашего разума согласуется и с объективным устройством мира, и с возможностью применения упомянутого закона к деятельности, и с идеалом *бесконечной* деятельности духа, — то, по мнению Канта, нравственное сознание наше *постулирует*, т. е. необходимо предполагает существование и абсолютного существа — *Бога*, и *бессмертной души*, и *свободной воли*. Таким образом, свидетельства «практического» разума оправдывают веру человека в эти высшие начала бытия, недоступные теоретическому исследованию и оправданию.

В третьей критике, в «Критике силы суждения», Кант следует все тому же методу, ищет тех безусловных, субъективных форм, которые определяют жизнь *чувства* (в «Критике чистого разума» он исследует деятельность ума, в «Критике практического разума» — деятельность воли), т. е. оправдывают необходимость и всеобщность *эстетических* суждений наших о красоте и *телеологических* — о целесообразности вещей, и находит такие формы в способности к бескорыстному и объективному наслаждению гармонией формы и содержания явлений опыта. Отсюда возникают идеи «абсолютно прекрасного и целесообразного».

Таким образом, Кант старался до конца в анализе природы человеческого познания и самопознания выдержать один и тот же принцип: что *разум* получает из опыта лишь содержание ощущений, чувствований и стремлений, но *организует* это содержание своего внешнего и внутреннего опыта согласно природным, необходимым и всеобщим нормам, открывающимся нашему самосознанию *a priori*. Насколько это основное положение всей теории познания и метафизики Канта проведено им последовательно, мы сейчас увидим.

Прежде всего укажем на *историческое* значение теории Канта. Благодаря необычайной глубине, последовательности, логической строгости и остроумию анализа, — благодаря тому, что в нем были предусмотрены и подвергнуты обсуждению многие частности каждой проблемы, которую Кант ставил, и что эти проблемы в своем целом обнимали существенные интересы философии предшествующих двух столетий, и ими в то же время открывались новые богатые перспективы для анализа человеческого разума и окружающей действительности, — кантовское учение стало быстро приобретать сторонников сначала в Германии, а затем и в других странах, и вся история философии XIX в. есть история постепенных побед и завоеваний, которые делала кантовская философия в Европе, в самых различных направлениях и с самых разнообразных точек зрения. Несмотря на упорное сопротивление и самые отчаянные попытки многих оригинальных мыслителей избавиться от влияния этого нового мирозерцания, кантовская философия на Западе победила все другие, и в самых отдаленных от нее на первый взгляд философских учениях сказывается все-таки ее неотразимое и незамечаемое часто самими мыслителями воздействие. По временам торжествовали другие доктрины, которые, казалось, исправляли или устраняли философии Канта, например, в Германии системы Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гербарта, Шопенгауэра, во Франции система Огюста Конта¹⁵, в Англии учения Милля и Спенсера¹⁶, но торжество их было кратковременно, и вскоре открывалось, что все лучшее и наиболее прочное в них или взято у Канта, или предусмотрено и гораздо полнее и глубже выражено им. Ведь не только в нынешней н о в о к а н т и а н с к о й метафизике немцев, но и в современном а г н о с т и ц и з м е французов и англичан, и в частности в э в о л ю ц и о н н о й метафизике Спенсера и даже в новейших трансформациях п о з и т и в и з м а легко обнаружить глубокое влияние кантовской философии, которая стала *философской атмосферой* нашего века, и основной дух которой вдыхается многими мыслителями бессознательно, произвольно, — вопреки их желанию.

Великая историческая заслуга Канта состояла в том, что он примирил на долгое время эмпирическую науку и метафизическое умозрение, ограничив и первую и второе указанием высших потребностей человеческого духа, их места и назначения. Скептицизм Юма, сенсуализм, материализм и атеизм французских философов XVIII в. были побеждены безусловно.

«Наука, очевидно, имеет объективную цену, ибо в уме есть объективные и необходимые меры, или нормы познания; мета-

физика субстанциального бытия, очевидно, должна быть ограничена, ибо эти нормы, или формы познания — субъективны, но тем не менее вера в высшие идеальные начала мирового бытия и человеческой деятельности от этого несколько не может пострадать, ибо эти начала являются необходимым предположением нашей практической деятельности, нашего нравственного существования».

Но у Канта в его основоположениях было одно несомненное *противоречие*, которого он не заметил и которое более или менее ясно сознавалось его преемниками и повело именно к борьбе против Канта и к попыткам устранения его субъективного идеализма и исправления его с других точек зрения. Это основное противоречие вот в чем заключается: если человеческий разум находит в себе *a priori* всеобщие и необходимые, т. е. безусловные, формы и нормы своей деятельности, и теоретической, и практической, и поэтической или творческой, то как же можно утверждать, что *ничто* безусловное, *объективно* необходимое и всеобщее не доступно познанию *теоретического* разума? По меньшей мере естественно предположить, что в этих «абсолютных и априорных формах познания и деятельности» человеческого духа раскрывается для теоретического разума *абсолютная природа нашего собственного духа* и что положение Канта, что и наша собственная внутренняя жизнь открывается нам также только в *явлениях*, — неверно. Одно из двух: или мы в своем самосознании находим только явления, и тогда безусловные формы познания и деятельности разума — мираж, — или эти формы «реально» даны в самосознании, и тогда дух открывается нам не только в своих явлениях, но и в «абсолютной» своей природе.

Таким образом, Кант сам подал повод, своим учением о безусловных формах познания и деятельности человеческого духа, к дальнейшему разысканию и исследованию природы *абсолютного, объективного бытия*, и на почве кантовской философии естественно возникла вновь целая серия систем, поставивших своею задачею проникнуть в природу «абсолютного» *теоретически*, причем это абсолютное признавалось то «духом», то «идеєю», то абсолютной «организацией материи», то абсолютной стихийной «волей», как в учении Шопенгауэра, то абсолютным «механизмом законов природы». Но замечательно, что все философские учения нашего века в своем признании абсолютного и даже в самом *отрицании* его бытия и познаваемости, так или иначе, с того или другого конца, примыкают к теории познания Канта, исходя или из его учения о формах

познания, или из его же учения о непознаваемости вещей в себе, и т. д.

Подробно рассматривать все эти ветви и веточки на великом древе кантовской философии мы не станем. Заметим только, что для нас лично лучшим дополнением и исправлением системы Канта представляется учение Шопенгауэра о воле, так как именно это учение, несмотря на его крайности, лучше других указало на способ перехода от абсолютных форм самопознания к идее «абсолютного начала бытия» — воли, хотя и это учение, в свою очередь, требует радикального преобразования и переработки. Поэтому для нас несомненным является, что *ближайшей задачей философии* будущего должно быть все-таки устранение того коренного противоречия кантовской философии, на которое мы указали и которое никем не было вполне удовлетворительно разрешено. Конечно, эта реформа должна совершиться не на почве кантовской теории знания, как это безуспешно пытались делать до сих пор, а на почве какой-то совершенно новой, еще никому неведомой, но всеми предчувствуемой точки зрения, радикально устраняющей ошибки Канта и в то же время способной не менее надежно обосновать все те великие истины интеллектуального, нравственного и эстетического бытия человека, которые Кант открыл и так своеобразно обосновал. Нужно найти совершенно *новый фундамент* философии, еще более глубокий и широкий, и находящийся в полном согласии с интеллектуальными и нравственными запросами нашего времени.

Как его найти? Где его искать? В философии Канта с методологической точки зрения есть одна ахиллесова пята, давно указанная, всеми признанная. Это — его еще весьма наивная, во многом произвольная и научно необоснованная, *психология*. Со времени Канта психология сделала громадные успехи, открылись для нее и целые новые области фактов, и новые области соображений и умозрений. В особенности велики приобретения послекантовской психологии *чувства* и психологии *воли*. Нам лично думается, что именно и только на почве этой новой, усовершенствованной и глубже обоснованной, психологии вообще, и психологии чувства и воли в частности, можно победить основное противоречие теории познания и метафизики Канта, найти новый фундамент и для теории знания, и для теории бытия, и для философского учения об основах и устоях нравственной деятельности человека.

<...>

